

НИНА АЛЕКСЕЕВНА АКИМКИНА (1925–2014) И ЕЕ ДНЕВНИКИ

Р.С. Айриян

Аннотация. Впервые публикуются дневники доктора исторических наук, профессора Ростовского государственного университета Нины Алексеевны Акимкиной. Тетради дневниковых записей были обнаружены в личном архиве Н.А. Акимкиной после ее смерти в 2014 г. Всего было обнаружено пять общих тетрадей с записями. Текст в пятой тетради прерывается на незаконченном предложении. Возможно, что автор дневниковых записей сам вырвал страницы. Дневники дают представление о жизни рядового советского студента, аспиранта и преподавателя. Хронологически дневники охватывают период с 1945 по 1954 г., географически же записи относятся к «омскому», «московскому» и «ростовскому» периодам жизни Нины Алексеевны. В частично публикуемой тетради № 5 представлена жизнь аспирантки исторического факультета МГПИ им. В.И. Ленина: ее поездка в колхоз и Ясную Поляну, смерть И.В. Сталина и попытка попасть в Колонный зал, защита диссертации и страх распределения на Дальний Восток, назначение в Ростов-на-Дону и новые друзья. Первые впечатления от города Ростова-на-Дону и новой работы, оценку уровня студентов и профессиональных качеств коллег также можно узнать из дневников Н.А. Акимкиной.

Ключевые слова: Нина Алексеевна Акимкина, профессор, историк, Ростовский государственный университет, аспирантура, МГПИ им. В.И. Ленина, диссертация.

Айриян Радмила Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, rsayriyan@sfnedu.ru.

THE DIARIES OF N.A. AKIMKINA (1925–2014)

R.S. Ayriyan

Abstract. For the first time the diaries of the doctor of historical sciences, professor of the Rostov State University, Nina Alekseevna Akimkina, are published. Diaries were found in the personal archives of N.A. Akimkina after her death in 2014. We found five notebooks with records. The text in the fifth notebook is interrupted on an unfinished sentence. It is possible that the author of the diary entries himself tore out the pages. The diaries give an information about the ordinary Soviet student, a graduate student and a university lecturer life. Chronologically the diaries cover the period from 1945 to 1954, geographically the same records refer to the Omsk, Moscow and Rostov periods of N.A. Akimkina's life. In notebook No. 5, the life of a post-graduate student at the Faculty of History of the Moscow State Pedagogical Institute is presented: a trip to the kolkhoz and the Yasnaya Polyana, the death of Stalin and an attempt to get to the Pillar Hall, the defense of the thesis and the fear of distribution to the Russian Far East, the appointment to Rostov-on-Don and new friends. We can get to know from N.A. Akimkina's diaries her first impressions of the city of Rostov-on-Don and new work, an assessment of the students level and the professional qualities of colleagues.

Keywords: Nina Alekseevna Akimkina, professor, historian, Rostov State University, post-graduate study, Moscow State Pedagogical University, dissertation.

Имя профессора Н.А. Акимкиной неразрывно связано с историей Ростовского государственного университета. По ее воспоминаниям, родившись в 1925 г. в Омске и прожив там до начала 1940-х гг., ее всё время тянуло на юг, «к солнцу и морю, цветам и фруктам».

Интерес к истории у Н.А. Акимкиной, по ее словам, проявился довольно рано: она с большим любопытством слушала рассказы мамы о прошлом, ее интересовали биографии исторических деятелей зарубежных стран, особенно периода Английской революции, история и литература были самыми любимыми школьными дисциплинами. И не удивительно, что театральная жизнь ее также привлекала. Если обратиться к дневникам, то первая тетрадь начинается с перечисления кафедр ГИТИСа¹, далее небольшой конспект по мастерству речи², а потом мы в каждой тетради дневниковых записей встречаем как описание театральные постановки силами студенческого коллектива, так и «походы в театр». Они свидетельствуют о том, что Н.А. Акимкина очень любила театр, была заядлым театралом и критиком. Помнится, каждое наше рождественское застолье сопровождалось разговорами о театральные новинки Москвы и, конечно же, полюбившегося ей Ростова-на-Дону. Нина Алексеевна никогда не говорила, что имела желание поступать в театральную вуз и связать свою жизнь с миром театра, правда, в таком ракурсе разговор и не поднимался, однако дневники дают нам основание так думать.

Последняя наша рождественская встреча, состоявшаяся 5 или 6 января 2013 г., стала для меня знаковой еще и тем, что именно тогда мне стало известно, что Нина Алексеевна вела дневники в студенческие и ранние преподавательские годы. Перед моим уходом она вручила мне тетрадь с надписью «Дневник» (изначально выполненной на обложке типографским способом) и сказала, улыбаясь: «Почитай. Посмотри, какой я была душой!» В апреле – мае 2015 г., примерно через полгода после ее смерти, разбирая ее книжный шкаф, я обнаружила еще четыре тетради дневниковых записей.

Нина Алексеевна Акимкина стояла у истоков британоведения в Ростовском государственном университете и на всем Юге России. Она умела привить интерес к истории Великобритании своим ученикам: уже несколько поколений ее учеников и их воспитанников изучают историю Британии. Хотя собственно интерес Н.А. Акимкиной всегда был связан с историей Британии XX в., ее познания простирались далеко за пределы прошлого и нынешнего столетия. В равной степени она всегда с интересом и мастерством рассуждала и о роли Великобритании в современной Европе, и о кельтских окраинах страны, и о роли римского завоевания Британии.

В 1945 г. Нина Алексеевна Акимкина поступает в Омский государственный педагогический институт на отделение «История». Студенческим годам посвящены многие десятки страниц в ее дневниковых записях. Однако Нина Алексеевна вспоминала в личных беседах, что в начале 1940-х гг. она училась в Московском государственном университете, специализацию проходила по кафедре новой

и новейшей истории. Годы обучения совпали с Великой Отечественной войной: Н.А. Акимкина вносила свой посильный вклад в оборону Москвы и в общую победу над нацизмом. Не завершив обучения в МГУ (по неустановленной пока причине), она возвращается в Омск в 1945 г. В дневниковых записях имеется следующая информация об обучении в МГУ: «Я привыкла быть первой: в школе, в МГУ, на работе»³ или «Боже, как там всё отличается от Университета... Весь факультет состоит из 20 чел., в МГУ только наша группа состояла из 18 чел.»⁴

В 1951 г. Н.А. Акимкина поступает в аспирантуру Государственного педагогического института им. В.И. Ленина (г. Москва) сразу на второй курс. Под научным руководством советского историка Сергея Авсентьевича Сегася, которого в дневниках она просто называет «шеф», в сентябре 1953 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Образование компартии Великобритании».

В дневниках очень подробно расписано само ожидание распределения после окончания аспирантуры, страх попасть за Урал, желание остаться в Москве в МГПИ или попасть на юг. Одним из мест возможного ее распределения была Махачкала: «Арсеньев (зам. министра) предложил мне сначала Архангельск, потом Читу, Барнаул и еще какую-то "прелесть". Я уже начала отчаиваться, но тут он предложил мне Махач-калу, и я согласилась. Всё-таки море, фрукты и вообще юг»⁵ Однако волею судеб Нина Алексеевна распределяется в 1953 г. в Ростовский государственный педагогический институт на кафедру всеобщей истории читать «Историю Востока». В 1955 г. из РГПИ в РГУ, после слияния исторических факультетов, перешла Н.А. Акимкина, наряду с М.А. Люксембургом⁶, М.А. Овчинниковой⁷ и многими другими.

В мае 1972 г. Н.А. Акимкина защитила докторскую диссертацию «Рабочее движение в Англии в 1918–1929 гг. и тактика компартии Великобритании». Она стала первым доктором наук по зарубежной истории в Ростовской области. На протяжении двадцати лет Н.А. Акимкина возглавляла сначала кафедру всеобщей истории (1974–1977 гг.), а после ее реорганизации – кафедру новой и новейшей истории РГУ (1977–1994 гг.).

За время работы в университете ею были опубликованы две фундаментальные монографии – «Компартия Великобритании в борьбе за массы» (Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1970) и «Антинародный билль 1969 и проблема борьбы за единство левых сил Великобритании» (Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992). Помимо научной работы Н.А. Акимкина вела большую учебно-методическую работу. Многие поколения советских студентов-историков работали по «Практикуму по истории зарубежного Востока. (Индия, Иран, Турция)»⁸, написанному ею совместно с Михаилом Абрамовичем Люксембургом. Она являлась автором учебного пособия «Новейшая история с 1945 года до наших дней», которое до сих пор не потеряло своей актуальности и используется при подготовке историков-исследователей.

Дневники Н.А. Акимкиной представляют собой написанную чернилами рукопись, состоящую из пяти т. н. общих тетрадей. На обложке первой тетради напечатано

типографским способом «Дневник» и имеется печать в нижнем левом углу с надписью: «Полиграфтруд. Артель политкаторжан. Москва». На первой странице надпись «Акимкиной Н.А.»⁹ и небольшое стихотворение¹⁰.

Первые три тетради (по 67, 99 и 90 листов соответственно) относятся к т. н. «омскому» периоду жизни Н.А. Акимкиной и охватывают период с 29 августа 1945 г. по 29 апреля 1951 г. Они посвящены детальному описанию жизни студентки, а позднее и преподавателя Омского государственного педагогического института. Специальное внимание уделяется общественной и творческой деятельности омского студенчества: театральные постановки, концерты в военной части и на выборах.

Четвертая тетрадь (50 листов) посвящена заботам о переезде и обустройстве в Москве, поступлении в аспирантуру МГПИ им. В.И. Ленина и сдаче кандидатских экзаменов, а также работе над диссертацией. Хронологически эта тетрадь охватывает период с 1 мая 1951 г. по 28 мая 1952 г.

Пятая тетрадь (62 листа), охватывающая период с 3 июня 1952 г. по 29 июня 1954 г., повествует о последнем годе обучения в аспирантуре и защите кандидатской диссертации, о процедурных и технических сложностях предзащитного периода, о смерти И.В. Сталина и прощании с ним, об ожидании распределения и переезде в Ростов-на-Дону. К сожалению, текст в пятой тетради прерывается на незаконченном предложении. Возможно, что автор дневниковых записей сам вырвал страницы. Дневники Нины Алексеевны являются отражением не только времени, но и внутреннего мира советского гражданина.

К публикации предлагаются дневниковые записи, относящиеся к периоду с 9 января по 15 сентября 1953 г. из тетради № 5. Текст передан в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР». Сохранены стиль и авторские особенности документа, орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами русского языка. Почерк достаточно разборчивый. Непрочитанные слова или фамилии отмечены в квадратных скобках как неразборчивые [нрзб]. Встречающиеся в тексте сокращения оставлены как в оригинале. В тексте встречаются также сокращения имен и фамилий. Если удавалось установить ту или иную личность, то сведения об этом давались в примечаниях. Даты подчеркнуты в тексте автором дневниковых записей. Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии осуществлены Р.С. Айриян. Публикатором же предложено общее название дневниковых записей Н.А. Акимкиной.

ДНЕВНИК Н.А. АКИМКИНОЙ

ТЕТРАДЬ 5

// (Л. 20) 9/1-53 г. Сегодня мы, аспиранты III курса, ходили на прием к директору¹¹. У всех примерно одинаковое положение с диссертацией: написана только 1ая глава, только у Бориса – 2, а у меня – 4. Директор даже удивился, когда услышал мое сообщение, хотел было даже назначить защиту на март, но утвердил на май.

Я после Нового года никак не могу войти полностью в рабочую колею, сплю над газетами и вообще... Кроме того, временно меня назначили агитатором на избирательном участке (до 15/1), пришлось ходить списки составлять, дежурить на агитпункте. Кроме того, нас включили в семинар по изучению работы т. Сталина, теперь у нас каждый четверг будут занятия на 1ой лекции мы, конечно, только болтали.

13/1-53 г. Сегодня сидела у шефа на экзамене, были с Милкой, замерзли жутко и скучали. А в воскресенье у нас в комнате опять был разгул. Пришла Саша и мы распили втроем (еще я и Оля) оставшуюся еще с нового года бутылку мадеры (ту самую, политую моей кровью!). Нам показалось мало, мы сложились еще и купили бутылку вермута и выпили почти без закуски. Прямо обалдели, вдруг на нас напало что-то, взяли и напились.

19/1-53 г. Сегодня пошла на консультацию к шефу прямо к нему домой. Проболтали мы с ним часа полтора, да толку мало. Он не столько меня консультировал, сколько рассказывал, как он в Чехословакию ездил, показывал мне альбомы, вырезки из газет и т. д. 2ую главу он прочел все-таки более внимательно, т. к. она была исписана его пометками, хотя и не очень важными. А 4ую главу он почти не читал, т. к. она // (Л. 20 об.) у него была открыта на 24ой стр., когда я пришла, а потом он ее закрыл и заявил, что я могу и эту главу начать печатать, т. к. он ее «просмотрел». Я ужасно расстроилась, т. к. недавно увидела в библиотеке девушку, читающую английские газеты, разговорилась с ней и узнала, что она пишет дипломную работу на ту же тему, что и я. И руководителем у ней Черняев, мой предполагаемый оппонент! Значит он тему мою буквально знает на-зубок, т. к. даже если и сам над ней подробно не работал, то факты будет знать из этой дипломной работы. А я работаю над темой совершенно самостоятельно, работа может получиться сырой и далеко не совершенной. На кафедре мне тоже помочь никто не может, прямо у меня сердце замирает.

23/1-53 г. Сегодня я ходила в МГУ насчет одной диссертации, которую мне обязательно нужно было прочесть. Хлопот оказалось порядочно, пока мне удалось ее заказать, ходила к заведующей библиотекой, заполняла всякие анкеты, писала заявления и т. д. Завтра пойду ее читать. Оля 27/1 едет с экскурсией в Ленинград на неделю. Я бы с удовольствием с ней поехала, т. к. Ленинграда еще не видела, да и с ней интересно было бы походить по театрам и музеям, но боюсь, что финансы меня подведут (за путевку надо уплатить 200 руб.) и у меня не хватит на печатанье.

Румынка наша хандрит целыми днями, охает, забывает всё на свете (таз в умывальнике, ключ в двери, паспорт и т. д.) и собирается ехать в дом отдыха с 26/1. Остаемся мы втроем, а Динара последние дни что-то капризничает невероятно, // (Л. 21) дуется, хандрит, выкидывает всякие фокусы, что меня понемножку начинает раздражать. Ей не нравится, что мы всё время с Олей, и в театр вместе ходим и вообще как-то ближе друг к другу, а она недовольна. Характер у нее вообще неважный, видимо дома ее избаловали. Без Оли мне вечерами будет, конечно, весьма скучно.

2/II-53 г. Сегодня приехала из Ленинграда Оля, она, конечно, очень довольна поездкой, было весело и интересно. Я все эти дни занималась по 10 часов в день, кончала в ИМЭЛ¹² и шла в другую библиотеку, но чувствую, что долго я так не выдержу, т. к. сразу начались мигрени и глаза устают.

Обработка глав подвигается очень медленно, сколько ни пишу, всё не нравится, многое приходится дополнять, выбрасывать и т. д. Первую свою главу, которую я написала летом, я всю перечеркала, теперь спустя 6 месяцев, она мне кажется детским лепетом. Все-таки аспирантура очень много мне дала, я это ясно чувствую. Борис уехал в Омск дней на 10, накануне отъезда встретил меня в институте, спрашивал, не надо ли что передать и т. д. Я даже провожать его не пошла, чего раньше, конечно, никогда не делала. Ну его. Все эти дни занималась еще одним «приятным» занятием: лечила зубы. Истратила уйму денег и измучилась невероятно, зубы болели под пломбой иногда дня по 2. Ужасно!

Морозы нынче стоят зверские, ничего похожего на прошлую зиму. t° доходит до -30°, у нас в комнате холодище жуткий, даже под одеялом холодно. Но мы героически продолжаем заниматься гимнастикой.

// (Л. 21 об.) 25/II-53 г. Сегодня я была в Большом театре на «Золушке». Золушку танцевала Уланова, а принца – Преображенский. Достался мне билет с великим трудом, я полтора часа мерзла перед театром и достала за 5 минут до начала. Балет, а особенно солисты его, мне очень понравились. Зима ужасно надоела, тепла хочется, а с другой стороны, весной у меня вечно неприятности. В комнате у нас теперь каждый день ссоры, все стали такие нервные, раздражительные, что просто беда. В комнате у нас еще одна новая, вместо нашей ведьмы, пока мы еще присматриваемся друг к другу.

28/II-53 г. Сегодня на меня в институте обрушилась куча новостей. Во-первых, шеф у меня заболел (это я уже знала дней 5 тому назад), причем очень серьезно, у него гнойный аппендицит, и он не выйдет на работу до конца марта. А мне на 10/III назначили чтение 2ой главы на кафедре, значит, это дело погорело. Кроме того, у него мое заключение лежит и 2ая глава, печатать другие главы я без него тоже не могу.

А сегодня на меня обрушилось новое известие. Лекции шефа передали Трембицкой, а у нее началось нечто вроде помешательства. Явные признаки шизофрении. Мы прямо все обалдели от неожиданности. Сидим в деканате и болтаем. Вдруг меня вызывают к директору. Прихожу (с трепетом), а там сидят декан¹³ и наша Текутьева. Директор и говорит: «Придется вам с Мещеряковым читать лекции на 4м курсе, а то у нас срыв». Я только рот разинула. Вот тебе и защитила весной! Теперь придется всю работу над диссертацией бросить и писать лекции. Ну, никогда у меня не бывает так, как задумано, вечно тысячи препятствий. // (Л. 22) Хоть от общественной работы меня освободили, сегодня я провела последнее политзанятие. Группа моя на прощанье меня порадовала: семинар прошел чудесно и длился почти 2 часа. Сначала один студент сделал доклад о Советской Армии, потом

выступали бывшие фронтовики, один из них читал стихи. А потом комсорг от имени группы бывших фронтовиков преподнес подарки. Было очень душевно, хорошо, прощались со мной с сожалением, просили не забывать их. Мне даже жалко стало уходить от них.

4/III-53 г. В понедельник наша кафедра узнала еще одну новость: Марк женился. Я пришла вечером домой из библиотеки и нашла записку от Текутьевой с приглашением зайти к ней насчет лекций. Я перепугалась, что лекции Марка по случаю его медового месяца свалятся на меня. Прибежала я 3/III в институт, но Текутьева меня утешила, что Марк у нее был и лекцию прочтет. Кроме того, две лекции (одну мою, другую Текутьевой) отдали нашему аспиранту Лебедеву, чему я весьма обрадовалась. Сегодня у нас было партийное собрание на истфаке. Меня приняли в партию единогласно. Выступало за меня 4 человека: Текутьева, Новикова, одна моя студентка и... Борис. Хвалил меня, подлец, до небес, явно желая сгладить наши прохладные отношения. Волновалась я ужасно. В печальное для страны время вступаю я в партию: сегодня утром мы узнали о болезни т. Сталина. День, конечно, прошел вкривь и вкось, все думали только об одном, слушали бюллетени и молчали. В Москве печаль ощущается особенно остро, т. к. ведь мы совсем рядом с ним.

// (Л. 22 об.) 5/III-53 г. Сегодня я читала свою лекцию по Коминтерну, волновалась перед ней порядочно, но всё прошло очень хорошо. Студенты слушали внимательно и потом выражали мне свое удовольствие. После лекции меня изловил Иван Никифорович и засадил за свои конверты с авторефератами. Вот счастливец! Он уже получил отзывы от своих оппонентов и будет через месяц защищать. Сейчас он едет домой. Часа полтора мы штемпелевали его конверты, а потом я поехала с Милкой к шефу в больницу. Пробриться к нему оказалось не так-то легко. Побегали мы порядочно, потом долго упрасивали дежурного врача пропустить к нему, получив разрешение, начали ругаться со швейцаром, который пропускал лишь одну из нас, а мы хотели пойти обе сразу. Наконец, я одела халат и отправилась, а Милка осталась ждать внизу. Шеф встретил меня с радостью, он похудел, побледнел, но уже поправляется. До конца марта он не собирается выходить на работу и даже рад, что мы за него читать будем. Болтали мы минут 20, потом я ушла и к нему пошла Милка, но ее язык удержать нет никакой возможности, и она просидела у него целый час, чем взбесила меня, т. к. я ждала ее внизу. Вечером сидела до 11 часов на лекции, весь день ничего не ела и устала жутко.

6/III-53 г. Ночь мне тоже спать не пришлось, так как накануне бюллетень о болезни Сталина был очень тревожным, и мы всю ночь ждали известий. Утром радио принесло весть о тяжелой утрате. Первое время мы сидели как окаменелые, не могли поверить, что это правда. К 8 часам утра я побежала в институт, т. к. сидеть дома было совершенно невозможно. В институте шел траурный митинг, съехались все аспиранты, видимо, всем вместе было *// (Л. 23)* легче. Часов в 10 мы поехали на Красную площадь, куда стихийно стремились многие. Прошли у Кремлевской стены, с печалью смотрели на приспущенный флаг над центральным зданием, на траурные флаги повсюду. Уходить не хотелось, но милиция начала оцеплять центр

города и нам пришлось уйти. Улица Горького и все центральные площади были уже совершенно пусты, всякое движение прекратилось, людей не видно.

Мы позвонили в институт и узнали, что в 3 часа организованно пойдём в Колонный зал. Мы моментально поехали обратно, о чём потом весьма сожалели. Оделись потеплее, выстроились и отправились. До Волхонки шли очень хорошо. Стройной колонной, но потом началось что-то невероятное. Как только было объявлено, что допуск в Колонный зал открывается в 4 часа дня, как вся шестимиллионная Москва вышла на улицу и стихийно двинулась к центру города по всем бульварам, площадям и переулкам.

Выход на Пушкинскую улицу был перегорожен машинами, но между ними остались узкие проходы и в них устремилась толпа. Давка была дикая, остановиться же не было никакой возможности, т. к. сзади напирали. Машины начали поворачивать поперек, чтобы совсем загородить проход, и я не помню, как пролезла между двумя «Победами». Кое-как мы собрались на Пушкинской площади, но там нас остановила конная милиция. Мы простояли на месте часа полтора, а потом повернули по Самотек к Трубной площади, где нам опять перегородил дорогу ряд грузовых машин. Здесь мы все растерялись, одни перелезли через машины по ту сторону, // (Л. 23 об.) другие пробились в боковые переулки, часть топталась на месте. Посовещавшись мы (7 человек) решили пойти круглым путем к Курскому вокзалу и пробиться там. Самое главное, что никто не знал по какому маршруту идти к Колонному, милиционеры потонули в дикой толпе, репродукторы на бульварах молчали и на улицах царил полная стихия.

Мы прошли по Садовому кольцу к Земляному валу, потом к Курскому вокзалу и по Чистым прудам прошли к Кировским Воротам. Путь на улицу Чернышевского был опять перегорожен машинами, а с боковых улиц ломались 2 встречных потока. Нас всех оторвало друг от друга и понесло неизвестно куда. Над толпой стоял сплошной крик и стон, я уже прощалась с жизнью, так как меня несло прямо на грузовики, но мне удалось нырнуть под колеса и пролезть по ту сторону. За мной пробралась Текутьева, остальных мы потеряли.

В переулке стояла такая же толпа, но выход дальше был отрезан солдатами. Через бульвар мы с Текутьевой вышли к Кировскому метро, около которого толпа росла молниеносно, т. к. шли со всех сторон. Каждый хотел выйти хоть куда-нибудь, но выхода не было. Наконец, с великим трудом мы попали в метро и уехали домой. Я была так измучена, что не спала всю ночь.

7/III-53 г. Сегодня в 6 часов утра радио сообщило, что в Колонный зал попадут лишь делегации. Я опять помчалась в институт и просидела там до 12 часов, добилась, что меня зачислили в состав делегации, вернулась домой, но отдохнуть не успела. В 6 часов вечера я пошла дежурить в институт до 12 часов ночи, причем там узнала, что делегации отменяются, видимо, никак нельзя было с народом справиться.

// (Л. 24) 8/III-53 г. Пришедший с ночного дежурства Юрий подтвердил, что делегаций не будет, и я поехала на Курский вокзал, чтобы попытаться еще раз,

т. к. маршрут был объявлен точный. Действительно, порядок был прекрасный, т. к. все боковые переулки были сплошь загорожены машинами, со всех сторон стояли солдаты и милиция. Но двигались мы страшно медленно, пожалуй, больше стояли. Я простояла таким образом, не евши ничего, с утра, 11 часов, и когда мы подошли к Самотеке, нам объявили, что допуск прекращен. Было обидно до слез, что я была в Москве в эти дни и не смогла попрощаться с т. Сталиным. Не могу простить себе, хотя я сделала все, что могла. Горе в Москве ощущается особенно велико, трудно поверить в утрату, т. к. здесь всё напоминает т. Сталина, всё связано с его именем. Не занималась¹⁴ диссертацией давным-давно и не знаю, когда начну, т. к. голова совсем не работает. Измучилась и похудела я за эти дни невероятно.

16/III-53 г. Сегодня я пошла в институт узнать нет ли каких новостей, т. к. давно там не была, и ничего не знаю. У входа встретила Марка, который после женитьбы очень изменился, причем в худшую сторону, стал солиден, неразговорчив, надулся как индюк неизвестно с чего, ни шуток, ни смеха не допускает. Болван! У нас уже ходили слухи, что его якобы оставляют на кафедре.

Кафедры в сущности нет, всё равно людей набирать надо, а у него как раз квартира в Москве есть. Сегодня он сказал мне, что был у директора и так уклончиво пояснил, что, видимо, его оставляют в институте. Я закончила все свои дела и хотела уже уходить домой, как вдруг Жаров, зав. аспирантурой, спрашивает меня: «Вы у директора уже были?», я говорю: «Нет, меня // (Л. 24 об.) не вызывали». Он велел мне идти, и я отправилась. Встретил меня директор очень приветливо, поздоровался, разговор начал издали, как с диссертацией, каковы у меня перспективы на будущее. Я сказала, что домой не хочу, а так, куда пошлют. Он спросил про семью, а потом говорит: «Если вы сможете устроиться с квартирой, то мы вас оставим на кафедре. Квартиры институт дать не может». Я сказала, что посоветуюсь с мамой, он пожелал мне всего хорошего и отпустил. Я была настолько потрясена, что даже плохо соображала. Встретила Борьку в коридоре и сказала ему. Он начал на меня кричать, что я дура, что тут и думать нечего, а надо поскорее соглашаться, что такого второго случая не будет и т. д. В общем, речь для Бориса типичная: оптимизм через край. Я написала письмо домой, а сама весь день не работала, а всё думала.

Остаться в Москве – счастье, конечно, огромное и вообще, как сказка, но ведь это почти нереально. Квартиру достать трудно, прописаться еще труднее, а маму и Милку вообще прописать, наверное, будет невозможно. А ведь без них я никак не могу, что это за житье в вечном одиночестве. Вообще, препятствий множество, и я думаю, что это лишь призрак счастья, а не само счастье. Видимо Марк останется, т. к. для этого у него есть все условия. Тревожное наступает время, пора распределений и раздумий, это я уже пережила в свое время, когда кончала институт.

18/III-53 г. Сегодня я читала лекцию о Польше. После лекции ко мне подошли двое (женщина и мужчина) и заявили, что они являются комиссией от райкома и были у меня на лекции. Я прямо обалдела. Ну, невезучий же я человек! Почему именно на // (Л. 25) меня они напали, а не на Марка, например? Толковали они со мной

с полчаса и критиковали не столько мою лекцию, сколько общий план лекций, составленный нами после болезни шефа. И то не так, и это нужно иначе, и распределение часов по темам им не понравилось и т. д. Отделавшись от них, я побежала в деканат, проболтала там, а потом меня вызвали в партбюро и к великому моему изумлению включили в комиссию по проверке работы профкома. Значит март окончательно выпал из моего учебного плана, совсем поработать не придется. Сегодня же я совершенно случайно, только потому, что оказалась под рукой, попала на заседание общеинститутского бюро и была принята в партию. Теперь осталось только пройти через общее собрание. День у меня сегодня для занятий пропал совершенно. Вечером были с Милкой у шефа, он, к счастью, в ту неделю уже выходит на работу.

22/III-53 г. Сегодня решила позаниматься хоть один денек, но желание мое не сбылось. Только я села за стол, слышу за дверью в коридоре покашливание¹⁵ и такое знакомое, что я ушам своим не поверила. Ну точно как отец. Я отогнала эту невероятную мысль, но тут открылась дверь, и батя собственной персоной появился в комнате. Я окаменела. Вот путешественник выискался!

Поехала я с ним в город на Красную площадь, но ходить с ним просто ужасно, шел медленно. Глазел, отпускал всякие комментарии вслух, так что я холодела, небритый пришел ко мне, уже выпивший и с 1ых слов попросил взаймы. Все деньги, видимо, по дороге ухнул. Спать его я не знала, где уложить. В общем, я уговорила его на следующее утро взять билет и уехать с этим же поездом. Всё равно будет только выпивать, а ходить с ним по городу мне совершенно некогда. // (Л. 25 об.) Оставила я его на вокзале, а сама поехала в магазины купить что-нибудь домой. Мамуля скоро именинница, купила ей кое-что. Вечером же попала в Большой театр на «Спящую красавицу». Билет опять достала у подъезда, но билет опять неважный, видела плохо. Очень красиво поставлен балет, оформление потрясающее.

27/III-53 г. В понедельник (23/III) я благополучно отправила батю домой. На вокзале он всё порывался выпить, прямо беда с ним, уехал – как гора с плеч. От мамы получила телеграмму, чтобы я немедленно соглашалась, я так и думала, они там спят и видят, чтобы я в Москве осталась, знаю я их. Сегодня опять была в Большом театре на «Раймонде». Утром мы поехали с Динарой стоять в очереди, выбросили 160 билетов, а мы были 85-й и 86-й, но нам удалось влезть без очереди. Соседи, конечно, ворчали, но мы и ухом не повели. Я купила еще билет Юрию, он меня просил, а Динара – Гале. Билеты попались жутко дорогие – 26 руб., но уж сидели мы в ложе бенуара, по-королевски. Балет изумительный, танцевали М. Плесецкая и Преображенский, [нрзб] Корень¹⁶.

В комнате у нас скверно. Ссоры продолжаются. Динара стала просто невыносимой, вечно капризы, слезы, валяется в постели, меряет t° и бегаёт по врачам.

От пылкой любви к Оле она перешла к столь же пылкой ненависти, дело доходит до настоящей брани. Ни складу, ни ладу нет, надоело мне общежитие.

С гимнастикой беда, я просыпаюсь рано, а Динара устраивает сцены по поводу раннего вставания.

// (Л. 26) 1/IV-53 г. Все эти 4–5 дней работала дома над сносками, помучилась ужасно, т. к. оказалось много запущенного, а конверты у меня далеко не в идеальном порядке.

Голова у меня всё-таки слабовата, вчера уже была мигрень, никак не могу долго напряженно работать. Сегодня перед кафедрой три часа ходила по городу, купила себе хорошие туфли за 284 рубля. Погода сегодня была изумительная, одела даже пальто. Диссертацию кончила всю, отдала ее сегодня шефу. Он, конечно, просмотрит ее быстро, и тогда я начну ее печатать, но защитить весной я ее всё равно не успею, это уж точно. Отчиталась я сегодня на кафедре по своей 2-ой главе, никаких принципиальных возражений не было. Текутьева сделала несколько замечаний по стилю. Текутьева предложила мне читать за плату лекции на деффаке¹⁷, т. е. статью почасовиком. Я согласилась, т. к. сейчас я свободнее, могла бы, конечно, отдохнуть, но меня вечно нужда на работу гонит.

Кроме того, это, пожалуй, первый шаг к оставлению в институте. Останусь я или нет неизвестно, но пренебрегать пока не следует, а там видно будет.

Текутьева была у директора, он согласился на мое временное зачисление, а потом спросил ее насчет моего постоянного, она сказала, что кафедра не возражает. Сейчас мне надо автореферат писать, кое-что переделать во введении и заключении, шеф уже их прочел (прямо молодец!).

Написала маме, чтобы она выслала мне старые мои лекции, тогда моя работа не отнимет у меня много времени.

3/IV-53 г. Вчера и сегодня полностью отдыхала. Вчера ходила в кино на «Весну в Москве»¹⁸, очень понравилось. А сегодня мы (аспиранты-историки) ездили в Ленинские Горки. Собралось // (Л. 26 об.) нас 12 человек. Поехали мы автобусом (1,5 часа), ехали с песнями, шумно и весело.

Экскурсия мне очень понравилась.

Дом в Горках – бывшее имение Морозовой (жены фабриканта Морозова), вышедшей замуж за генерала Рейнбода¹⁹. В доме сохранилась часть генеральской обстановки, сам дом по стилю напоминает уже виданные мною подмосковные помещичьи усадьбы: колонны, балконы, внутри уютные небольшие комнаты, узкие, крутые лестницы. У одной из них двойная перила, т. к. Вл. Ильич был очень болен и, выходя, опирался на них. В доме очень красивый зимний сад, из окон всюду открывается дивный вид на парк. Посмотрели мы личные вещи и библиотеку Вл. Ильича, послушали его голос, записанный на пластинку. Очень много интересных фотографий, которых до сих пор я не видела.

Парк мы, к сожалению, не посмотрели, т. к. сейчас сыро и грязно и в аллее ходить нельзя. Мы сфотографировались у фасада главного здания и потом уже за пределами музея, много раз фотографировались в аллеях, у деревьев и т. д.

Пока ждали машину зашли в буфет, напились чаю с куличами²⁰. Вернулась я домой уже в пятом часу очень довольная поездкой. Ведь мы так редко собираемся вместе, а скоро и разъезжаться всем.

Я в этот месяц много потратила на театр, кино и поездку, видно в апреле придется по экономить. 30/III мы с Ольгой были на «Бесприданнице» в театре киноактера, причем обе купили по 2 билета, так что обошлась нам пьеса в 30 руб. каждой. Ольга, конечно, виновата была, хотя и фыркала на меня. Мы обе // (Л. 27) надулись и сидели отдельно, но на выходе из театра замяли инцидент. Если еще и нам поссориться, то в комнате не будет даже сносного существования. Ларису играла Алисова²¹, играла очень хорошо, с большим чувством, она выглядит очень молодо, не располнела. Паратов был Дружников²². Разгульная жизнь не доведет его до добра, кудри у него уже [нрзб.], того и гляди лысеть начнет. По-прежнему глаза его были хороши, но он не Паратов. Играл он горячо и порывисто, его амплуа – страдающие благородные, истинно любящие личности, а Паратов – злой и холодный хищник. Подлинного образа не получилось, иной раз трудно было разобраться, кто же здесь больше страдает. Остальные были: Робинзон – Сорокин (очень хорошо), Кнуров – [нрзб.] (тоже хорошо), Вожеватов – Алейников (не подходит к этой роли), Карандышев – Мартинсон (неплохо), Огудалова была неважная.

8/IV-53 г. Сегодня меня приняли в партию на общеинститутском партийном собрании. Всё собрание было посвящено одному приему и пока я дождалась своей очереди прямо вся извелась. Опять Борис выступал за меня и Новикова. Проголосовали единогласно при одном воздержавшемся (наш слепой сосед, который шефа моего ненавидит и меня заодно), я даже ждала от него большей пакости.

Диссертацию шеф мне обещал завтра принести, с машинисткой я уже договорилась.

14/IV-53 г. Прихожу сегодня на свою лекцию на деффак, а мне сообщают новость: Трембицкая выписалась из больницы и ее уже видели в институте. Ну, думаю, так и жди, что она ко мне явится. Мои плохие предчувствия меня никогда не обманывают: перед входом в аудиторию я с ней столкнулась. Она заявила довольно // (Л. 27 об.) агрессивным тоном, что пришла ко мне на лекцию. Не помню, как прочла я первый час, просто ничего не соображала, лишь потом я немного успокоилась. Она же демонстративно записывала что-то в блокнот, а после лекции говорит: «Желаете вы слушать мои замечания?» Я сказала, что очень тороплюсь на Ученый Совет, она приняла это за мое нежелание и вообще в разговоре со мной намекнула, что я мечу на ее место. Еле-еле я от нее отвязалась. Вот не было печали!

Сегодня защищал Иван Никифорович, и мы, омичи, все собрались. Защита прошла очень хорошо, проголосовали единогласно. Потом мы большой компанией поехали в ресторан «Арабат», где заняли отдельный кабинет. Нас девушек было всего трое, я, Люся и Милка. Было очень весело, пили хорошее вино и ели какие-то [нрзб.] блюда (сациви, люля-кебаб). Потом старики ушли, а мы еще продолжали куролесить,

начались поцелуи, Иван Никифорович²³ (образец добродетели!) целовался с Милкой и вообще развернулся. В общем, он совсем не похож на себя в Омске.

Приехала я домой поздно и еле довезла Юрия, который напился до чертиков. Как добрался домой Борис – не ведаю, т. к. он был пьян в стельку и не раз бегал мыть голову под краном.

18/IV-53 г. Пребываю в прескверном настроении. Диссертацию мне напечатали отвратительно: шрифт нечеткий, ошибок великое множество, пропущены целые предложения. Кроме того, в погоне за деньгой она мне дико раздула диссертацию. Я просто в отчаянии. Правка диссертации продвигается страшно медленно. Я встаю в 6 ч. 30 мин. утра, работаю весь день и // (Л. 28) всё равно не успеваю всего сделать.

Кроме того, одновременно я пишу автореферат, который тоже пишется плохо. Чувствую себя скверно, болит горло и t° повышенная.

Трембицкая говорит ходит и рассказывает про меня всякие пакости и что лекция у меня дрянь, что я у ней весь деффик разложила, что и диссертация-то у меня, наверное, плохая и т. д.

Всё это не способствует улучшению моего настроения. В комнате нет никакого порядка, грязь жуткая, всюду валяются консервные банки, т. к. готовить всем некогда.

22/IV-53 г. Сегодня было отчетно-перевыборное собрание на истфаке. Собрание было весьма бурное, страсти кипели во всю и даже наш невозмутимый декан вышел из спокойного состояния. Два раза выступал шеф, который кипел как самовар, выступала Трембицкая и Текутьева, в речи последней чувствовалось, что она рада была бы от Трембицкой избавиться.

Заседали долго, в перерыв директор разговаривал с Текутьевой и всё настаивал на моей защите в июне, даже велел ей специально собрать кафедру в конце апреля и обсудить на ней мою диссертацию. Она согласилась. После собрания позвонила я машинистке, а у нее в семье несчастье и она мне ничего не печатала. Ну, не везет же мне!

23/IV-53 г. Сегодня у меня был воистину сумасшедший день. Встала я в 6 ч. утра и села дописывать заключение к автореферату, в 10 ч. Поехала в райком: меня вызвали на собеседование. Ничего там особенного не было, но всё равно я, конечно, волновалась. После я помчалась в институт, т. к. нас нынче распределяли по городам и весям. Собрали нас к 12 часам, но часа 3 мы толкались у двери директорского кабинета. Волновались все // (Л. 28 об.) дико, даже невозмутимый Борис.

Наконец, подошла очередь нашей кафедры. Первым вызвали Марка и ему достался Сталинград. Вот счастливец, вечно ему везет. Потом пошел Али, он поехал в свой Нальчик, а за ним Милка, она, как и следовало ожидать, осталась пока вне

распределения. Меня вызвали последней, я уж от волнения плохо соображала. Народу в кабинете было полным-полно, шеф сидел здесь же. Арсеньев (зам. министра) предложил мне сначала Архангельск, потом Читу, Барнаул и еще какую-то «прелесть». Я уже начала отчаиваться, но тут он предложил мне Махач-калу, и я согласилась. Всё-таки море, фрукты и вообще юг.

Борис выбрал Омск, т. к. ему тоже предлагали что-то невероятное. Настроение у меня было неважное и устала я зверски. Вышли мы вместе с шефом, который был очень огорчен тем, что я не осталась на кафедре. Он даже высказывал всякие предположения, что кто-то настроен против меня. Сыграл тут, по-моему, свою роль этот неожиданный набег на мою лекцию, неожиданное возвращение Трембицкой и бог знает еще что. Шеф не теряет надежды на то, что я еще останусь, т. к. до осени времени много. Я его иллюзии не разделяю. В 6 ч. вечера у нас была кафедра, шеф сделал очень хороший доклад по работе т. Сталина. Трембицкая на кафедру не явилась, остальным я раздала свою диссертацию, решено ее обсудить 28 апреля, для этого специально будет созвана кафедра. Сделано это, конечно, по настоянию директора. После кафедры у нас еще был семинар, который по обыкновению наша руководительница хотела затянуть до 11 часов, но мы – третьекурсники взбунтовались и нас отпустили домой. Пришла я совершенно без сил. Ну и денек был!

// (Л. 29) 28/IV-53 г. Эти дни я несколько менее напряженно, хотя всё равно отдыхать не пришлось. Утром поехала в институт на встречу с шефом, шеф позвал меня к себе домой, и там мы два часа сидели над моим авторефератом. Он его весь перечеркал совершенно и требовал ясности и точности в каждом слове. Он всё убеждал меня, что мне обязательно надо защитить хорошо, т. к. это для меня будет иметь очень большое значение, т. е. он всё еще надеется.

Остаток дня я просидела над авторефератом, а в 5 ч. поехала с трепетом сердечным на кафедру. Предчувствия мои полностью оправдались: первую главу разнесли. Ну, что за проклятье с этой главой! Я сидела над ней гораздо более, чем над другими, переделывала ее несчетное количество раз, и всё-таки она получилась неудачной. Причем прочли все в основном лишь эту первую главу, а остальные, как я и думала, не успели. Лишь один наш аспирант И. Лебедев прочел три и прямо сказал, что 2ую и 3ью сравнивать нельзя с первой. Он сделал мне ряд замечаний по стилю, за что я ему весьма благодарна, т. к. он фактически отредактировал мне главы. Трембицкая прочла лишь § 1 из первой главы, но заявила, что всё прочла, хотя по замечаниям видно было, что она врет. Она настроена очень нервно и после каждого своего замечания прибавляла: «Это мое мнение, вы можете не соглашаться» и т. д. Я кратко ответила, но волновалась, и шеф шепотом приказал мне немедленно замолчать и садиться, что я и сделала. Он держался очень тактично, отвечал толково и вообще играл роль арбитра, т. к. Текутьева и Трембицкая взаимную неприязнь не скрывали и ежеминутно готовы были сцепиться.

// (Л. 29 об.) Диссертацию рекомендовали к защите, но над первой главой мне еще придется порядочно посидеть, так что это чистая формальность и радоваться особенно нечему.

Директор же меня торопит невероятно, просто не могу понять, почему. Сегодня перед кафедрой опять спрашивал, готов ли у меня автореферат и торопил. Шефу эта торопливость кажется подозрительной, и он, по-моему, уже не хочет, чтобы я защищала в июне.

30/IV-53 г. Сегодня не занималась, но устала еще больше. Утром пошла к машинистке, уже другой, отнесла ей автореферат. Потом пошла в институт, по дороге упала, ободрала ногу и разорвала капрон. Утром я сожгла руку утюгом, в общем... Полдня бегала по магазинам, искала себе босоножки, но сейчас разгар сезона, да еще и праздник, поэтому я ничего не нашла и устала зверски. Вечером (к несчастью я как раз была дежурная) мыла пол, убиралась, стирала и т. д.

Праздника я нынче совсем не чувствую, т. к. целые дни занимаюсь, да и погода стоит неважная, всё время тучи, дождь и весьма прохладно. Я до сих пор хожу в демисезонном пальто, только сегодня было более или менее тепло. Настроение скучное.

1/V-53 г. И сегодня праздничного настроения не было, погода утром была неплохая, но скоро погода начала портиться.

На демонстрацию я нынче (впервые за много лет) не ходила, а потому праздник и вовсе не чувствовался.

Утром мы взяли вина и немного выпили, а с середины дня я уже сидела за своей диссертацией. Девчонки спали, в комнате был беспорядок, за окном капал дождь. В общем, весело.

Спать все завалились в 11 ч. вечера.

// (Л. 30) 2/V-53 г. С праздником мне нынче определенно не повезло. Собрались мы сегодня в Ясную Поляну и как нарочно именно в этот день произошло резкое похолодание. Температура упала до 3, дул сильный ветер. Поехали мы на автобусе через Подольск, Серпухов и Тулу, в общем 200 км. Ехали весело, горланили песни, но когда вылезли, то настроение сразу испортилось. Оказалось, что дом Толстого закрыт на ремонт и поездка фактически впустую. Наши безмозглые бараны из месткома даже не потрудились позвонить сюда и всё толком узнать. Стали нас водить по парку, по всем любимым местам прогулок Толстого, но полностью насладиться красотой парка мы не могли. Во-первых, липы и дубы были еще совсем голые и пейзажи теряли большую часть своей прелести. Кроме того, мы все жутко замерзли и природу воспринимали плохо.

Потом мы побывали в литературном музее, но там ничего особенно интересного не было. Затем мы закусили на берегу пруда, благо погода к этому времени немного наладилась и вышло солнце. Мы уже собрались уехать, но тут наш экскурсовод уговорил директора музея показать нам хотя бы расположение комнат в доме Толстого. Перед входом мы еще крупно поругались с какой-то другой экскурсией, которая хотела попасть раньше нас.

В доме всё было голо, засыпано опилками, вещи вынесены, или спрятаны под брезентом, так что мы мало что увидели. Выехали мы уже в 6 часов вечера и по дороге прямо спали на ходу, укачало. Перед Москвой мы все залюбовались картиной праздничного города: множество огней, огненная башня университета как сказочный замок, контуры высотных зданий и высоко в небе в лучах прожек // (Л. 30 об.) торов силуэты Ленина и Сталина.

К Москве всегда приятно подъезжать, даже если покинул ее всего несколько часов. Как я с ней расставаться буду, прямо не представляю.

После поездки мы с Олей еще прошли по улице Горького и полюбовались иллюминацией.

10/V-53 г. Дни бегут стремительно. Всё время занималась попеременно, то диссертацией, то авторефератом, который надоел мне хуже горькой редьки. Я его напечатала и 3/V отвезла шефу. Он его опять перечеркал (уже 2ой раз), и мне пришлось переделывать и снова везти к нему. Он снова засел за него, придираясь буквально к каждому слову. Мне прямо пикнуть не давал, когда я пыталась вставить хоть слово. Вообще он очень много уделяет внимания мне, гораздо больше, чем другим аспирантам. Подписал он, наконец, реферат, отдала я его декану, ему тоже кое-что не понравилось, к счастью, очень небольшое. Я это быстренько переделала, он подписал и мой автореферат двинулся в дальнейший путь, инстанций впереди еще очень много. 8 мая меня и шефа вызывал к себе директор, опять спрашивал, успею ли я защитить в июне и просил шефа помочь мне в организационном отношении, т. е. в поисках оппонентов и прочем. Шеф тут же написал письмо профессору Галкину²⁴ и директор подписался. В общем, торопит меня жутко.

11/V-53 г. Хождения по мукам продолжают. Сегодня весь день ловила ученого секретаря. Приезжаю в институт, а он уехал на инфак, я поехала за ним, а он уже ушел на свой семинар, я его 2 часа ждала, а когда он освободился, то оказалось, что реферат мой // (Л. 31) оставил в институте. Поехали мы с ним обратно, замечания у него оказались пустяшные, но пока я их вносила уехал зам. директора Куприянов, и я поехала в библиотеку, где просидела до вечера.

13/V-53 г. Продолжаю печальную летопись. Сегодня с 10 ч. до 12 ч. ждала Куприянова, он приехал, но реферата не прочел, и сел читать при мне. Испортил мне два предложения в реферате, но мои возражения оказались тщетными, так и осталось. Вообще реферат, пройдя все инстанции, стал куда хуже, чем был. Получив последнюю подпись, я уселась ждать еще одного зава, чтобы отдать ему реферат уже для печати. Этот зав явился в пятом часу, за это время я сбегала к Текутьевой за вторым экземпляром реферата, она меня хоть обедом накормила.

Зав (Зингер) послал меня в Горлит, уверяя, что если мне удастся сегодня сдать реферат, то я выгадаю день. Я поехала, нашла нужного человека, но оказалось, что на реферате нет печатей и ни одна собака не удосужилась мне этого сказать. Не помня себя от злости, я поехала обратно в институт, поставила печать, хотя канцелярия

уже была закрыта, и поехала обратно в Горлит и все-таки отдала реферат. После этого еще занималась в библиотеке, хотя устала зверски.

15/V-53 г. Бумажная волокита продолжается. Получила длинный список всяких документов, которые мне необходимо собрать перед защитой диссертации. Когда я буду этим заниматься – не ведаю. И вообще, уже ясно видно, что в июне я не успею. Галкин, которого мне прочили в оппоненты, отказался, т. к. уже 4 диссертации на руках. Где я теперь буду доктора искать? // (Л. 32 об.) Во-вторых, печатанье диссертации подвигается очень медленно, машинистка у меня новая, печатает хорошо, но она всё отрывается, то она на свадьбе гуляла, то Галя ей свой реферат принесла, в общем, дай Боже, чтобы она числу к 20 мая кончила, а в такой срок (дней за 7) у меня ни один оппонент не возьмет. В общем, я зря порола горячку, могла бы спокойненько сделать всё к сентябрю. Настроение у меня отвратительное, в комнате у нас вечные неурядицы, которые раздражают до последней степени. Динара перессорилась со всеми, а главным образом с Ольгой, и перешла в другую комнату, а на ее место перешла другая аспирантка – слепая. Очень хочется домой, в уютную спокойную обстановку, чтобы сидела я за своим столом, а рядом Май мурлыкал. Нервы у меня истрепались совершенно, а впереди еще столько волнений.

29/V-53 г. За прошедшие две недели измучилась невероятно, столько пришлось бегать и нервничать. Диссертацию мне напечатали лишь 20/V, весь четверг я правила остатки и вечером повезла ее к переплетчику, в готовом виде я ее получила 22/V поздно вечером. Переплели очень красиво, мне понравилось. В это же время я продолжала беготню со своим авторефератом. Сначала мне принесли гранки, в которых была масса ошибок и их надо было исправлять, затем через три дня притащили верстки, их тоже надо было править, заверять тремя подписями и печатью, а потом бежать с ними к цензору, а на другой день еще и в типографию. Избегалась и намучилась изрядно, да еще с меня же взятку содрали – 45 руб. Зингер заявил, что это якобы для печатников, но это, конечно, наглое вранье.

Вчера я съездила за своими рефератами в типографию и привезла домой 145 штук. // (Л. 32) Но невзирая на всю мою беготню и мученья, защита в июне сорвалась из-за отсутствия оппонентов. Одного оппонента, И.Н. Жмыхова²⁵ из ВПШ, мне нашел шеф, я его дня три искала, он то на даче, то на работе, еле-еле я 26/V отвезла ему диссертацию, причем так и не встретилась с ним, а просто оставила ее на квартире у него. Дело же со 2м оппонентом застряло прочно, т. к. никто не заботился о его подыскании. Я ездила к Манфреду²⁶ с какой-то его знакомой, но он уехал на дачу, потом вместе с Текутьевой ездила в Академию общественных наук к Галкину, чтобы он взял диссертацию хоть на осень. Он сначала было уже совсем согласился, но вдруг увидел на титульном листе фамилию моего шефа и моментально начал придумывать всякие причины для отказа, а потом без церемоний высрал меня за дверь и о чем-то говорил с Текутьевой. Я в коридоре чуть было не умерла от страха и всяких туманных подозрений. В общем, ясно, что он отказался из-за шефа.

Сегодня на партбюро, куда нас вызывали для отчета, мое терпение лопнуло и я высказала все, что думала по поводу моего дикого положения. Потом я пошла к директору, чтобы подписать характеристику, и решила поговорить и с ним.

Он моментально развил невероятную деятельность, вызвал к себе Куприянова, накричал на него, что меня оставили без контроля, сорвали мне защиту и отпуск, что я вынуждена сама искать себе оппонентов и т. д. Куприянов бросился звонить по институтам и ловить профессора Жукова, конечно, его моментально нашли, т. к. звонила не какая-то жалкая аспирантка, а директор института. Директор упросил Жукова взять мою диссертацию, и я с великой радостью помчалась домой.

// (Л. 32 об.) 10/VI-53 г. Совсем я охладела к своему дневнику, ничего не записываю в розницу, а сразу оптом. 2/VI я увидела Жукова и отдала ему диссертацию, но он сказал, что в июне дать отзыва не сможет, разве к концу июня только. Меня это чрезвычайно огорчило, но сделать я ничего не могу. 3/VI я получила предварительный отзыв от Жмыхова, который поверг меня в смятение. Он был очень короток и сух, кроме того было указано, что в диссертации имеются существенные недостатки, которые, однако, не препятствуют для постановки ее на защиту. Я жутко расстроилась и два дня таскала отзыв, никому его не показывая. Я так перепугалась, что совершила громадную ошибку: не разослала рефераты, а решила дожидаться 2го отзыва. Наш декан уговаривал меня разослать рефераты, но я не согласилась. Шеф также был против, он так перепуган последними событиями в своей жизни, что боится невероятно. 8/VI мы ездили в колхоз «Путь к коммунизму» сажать помидоры. Поехало нас человек 40 аспирантов, сначала ехали в электричке, потом на машине поехали прямо в поле. Поработали мы здорово, засадили огромное поле, но я была очень довольна, работа шла весело, дружно, рядом была речка, где мы купались, обедали прямо в поле. К вечеру пошел дождь, но мы работу не прекратили. Вернулись очень поздно, потом у меня дня 4–5 жутко болели ноги.

Раза 2–3 я ездила на Ленинские горы, сначала с Галей, потом с Олей, лежали там на траве и загорали. Я загорела порядочно. На Ленинских горах чудесно, раньше я их знала только так сказать с официальной стороны, т. е. преимущественно со стороны университета, а теперь я открыла там множество *// (Л. 33)* чудесных лужаек и тенистых уголков, где можно прекрасно отдохнуть. Народу там даже в будние дни множество.

18/VI-53 г. Дни эти тянулись невероятно медленно, делать мне было совершенно нечего, и я, изнывая от скуки, безделья и ожидания, бродила по Москве, ходила в музей Восточных культур, планетарий, зоопарк. Приехала Вал. Ив., которой я невероятно обрадовалась. Сходили мы с ней в кафе мороженое есть, в сад «Эрмитаж» на вечер пародии. С Олей мы были на «Сильве» и «Лебедином озере», последнее мне понравилось исключительно, даже лучше, чем в Большом. 15/VI с трепетом позвонила Жукову, но он ничего еще не сделал и вдруг в среду (17/VI) он объявил мне, что через неделю я могу приехать к нему за расширенным отзывом. Я, конечно, обрадовалась, но в то же время готова была просто убить себя за малодушие.

Ведь я сама своими собственными руками сорвала себе защиту в июне! Если бы я послушалась декана и разослала рефераты, то я бы совершенно спокойно прошла в июне и со спокойной совестью отдыхала летом. А теперь всё лето терзаться и думать, тем более, что назревают всякие изменения в написании диссертаций и в сентябре будет защищать гораздо труднее, возможно, даже придется многое переделать и изменить. Самое обидное то, что я работала изо всех сил, написала на 5 месяцев раньше срока и задержала себя на последнем этапе, сама создала себе препятствие. Такой громадной глупости я еще кажется за всю свою жизнь не делала, никогда себе этого не прощу.

В институте надо мной все смеются, т. к. я сейчас нахожусь в самом глупейшем // (Л. 33 об.) положении. Вроде унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла. О, дура, дура! Сегодня разослала рефераты, причем и в аспирантуре все надо мной смеялись и поделом!

27/VI-53 г. Дела мои весьма и весьма плохи. Временами я просто впадаю в отчаяние. Мои оппоненты, узнав, что я в июне защищаться не буду, решили не давать мне расширенных отзывов. Я их вполне понимаю: назревают всякие изменения, до осени могут появиться новые указания и т. д., поэтому не хотят связывать себя отзывом. С другой стороны, я уже начинаю придумывать всякие худшие причины, может в диссертации очень много недостатков. Так проще было сказать об этом прямо. Жуков мне совсем никакого письменного отзыва не дал, даже предварительного. Очень скверное у меня складывается положение, я вся извелась от неопределенности.

Если бы они мне сразу сказали, что не дадут отзывов, то я бы уехала домой месяц тому назад, я же из-за них сижу здесь. Заказала я себе билет на 30.VI на поезд № 42, к сожалению купе не достала, хотя ночевала у Борьки и была на вокзале в 5 ч. утра. Поеду одна, т. к. Юрий и Вал. Ив. уже уехали. В Москве сейчас дядя Коля. Приехал он в командировку еще 14.VI, а 19.VI пришел ко мне с убитым видом и объявил, что у него вытащили все деньги (800 руб.) и ему не на что даже телеграмму послать. Я дала ему 20 руб., но еще через несколько дней он опять явился ко мне и занял еще 30 руб. Просто свинство, знает, что я накануне отъезда, что мне каждая копейка нужна и всё-таки просит. Удивляюсь, что тетя Муся отпустила его в Москву одного.

// (Л. 34) Лето у меня нынче будет невеселое. Я буду всё время думать о своей диссертации и изводить себя всякими дикими предположениями. Люба на лето уезжает в Москву к Борису, а у Милки отпуск лишь на 2 недели, так что вволю поскучаю. Настроение – хуже некуда, давно такого не было. В Москве сейчас тоже тошно, ходить некуда, в магазинах дикая давка.

Как у меня всё нелепо складывается жизнь, тысячи раз я об этом писала и снова повторяю. Все, написавшие досрочно, благополучно прошли в июне, одна я застряла и испортила себе всё лето.

29/VI-53 г. Сегодня, наконец, получила отзыв от Жукова. Живет он в высотном доме на Котельнической набережной, я отправилась туда. Читала отзыв прямо в автобусе, дрожа от нетерпения. Отзыв в общем положительный, но указанные недостатки могут принести мне немало неприятностей. Первую главу он разнес вдребезги, что она де написана «сумбурно и сбивчиво» (в чем я с ним вполне согласна) и даже считает, что ее вовсе не надо было писать, тут я не согласна. Не понравилось ему и заключение, что меня удивило. Оно де слишком поверхностное, т. к. в нем затронуто много вопросов. Ну и еще указал ряд мелких недоделок и недостатков.

Жмыхов отзыва так и не дал, сказавшись больным. Это меня тревожит более всего, т. к. я полагаю, что он на сентябрь готовит мне какую-то пакость. Декан думает то же самое и советовал мне кое-что пересмотреть в диссертации. Ну, дура я, дура! Теперь всё лето буду тревожиться, думать и т. д.

А до сентября еще так далеко!

// (Л. 34 об.) Галя сегодня защитила диссертацию, прошло очень хорошо, в чем я и раньше не сомневалась, т. к. шефом у нее Огородников²⁷. Диссертацию хвалили всюю и, по-моему, она останется работать в Москве.

Вечером мы после защиты немного выпили.

30/VI-53 г. Сегодня был мой день отъезда. С утра я, как обычно, начала беготню по магазинам и к вечеру умаялась. Обещали меня проводить Оля и Люся.

В комнате у нас полным ходом шли приготовления к вечеринке. Галя всю массу работы свалила на слепую Валю, беззастенчиво ее эксплуатируя. Она и по магазинам бегала, и салат готовила, и посуду мыла. Я уезжала, так сказать, в разгар торжества, успели только выпить на дорожку. Благополучно я погрузилась в свой вагон и как всегда с грустью проводила взглядом Москву. До свиданья, милый, чудесный город, как жаль, что скоро ему придется сказать: «Прощай!» Настроение у меня было весьма неважное, на душе кошки скребли.

4/VII-53 г. Дорога прошла как обычно, в основном занималась игрой в карты. Подъехали к Омску под утро (полчетвертого). Вылезла я из вагона, но никто меня не встретил. Я была просто в отчаянии, пассажиры все уже вылезли, ко мне начали приставать какие-то пьяные. Я взяла вещи и пошла к вокзалу, уже там на меня натолкнулись Милка и Борька, а бату с мамой пришлось разыскивать. Вся встреча была испорчена. Приехала домой уже часов в 6 утра, выпили, закусили и спать завалились до 12 часов. Потом с Милкой бродили по городу, сходили к Маше, по дороге встретила Генку Кукля и с полчаса проболтала с ним. Знакомых, вообще говоря, встречать не хочется.

// (Л. 35) 9/VIII-53 г. Отпуск мой кончается, пролетел совершенно незаметно. В общем, это лето как две капли воды похоже на прошлогоднее, хотя погода нынче была намного похуже. Первые дни я, как обычно, скучала, т. к. Милку не отпускали

в отпуск и мне приходилось сидеть одной дома. Потом мне это надоело и, т. к. наступили жаркие дни, я одна решила ходить на пляж.

Решение было самое правильное, одной мне там быть не пришлось, из постоянных обитателей пляжа у нас скоро образовалась целая компания, и мы очень весело проводили время.

От компании отсеивались отдельные лица, но зато приставали другие. Так что определенная группа всё время была. Загорела я очень хорошо, пожалуй, даже лучше, чем в прошлом году.

Постепенно наша компания сузилась, но оставшееся ядро настолько сплотилось, что мы посещали пляж, когда была весьма прохладно. Получила я письмо из Махач-Калы, мне сообщили, что в нагрузку старшего преподавателя входит чтение лекций по методике преподавания истории и конституции, семинары по этому же предмету, педпрактика, новая история и т. д. одновременно такое же письмо пришло ко мне в Москву, Оля переправила его мне и посоветовала от Махач-Калы отказаться. Я и сама так подумала, т. к. о первом предмете я не имею ни малейшего представления. Написала я письмо в министерство, но оттуда мне ничего не ответили. Очень боюсь, что осенью мне подсунут какую-нибудь дыру еще хуже Омска. Написала мне письмо Люба, она пишет, что в Махач-Калу уже уехал какой-то парень.

// (Л. 35 об.) О Борисе пишет, что у него всё сделано, осталось лишь отпечатать начисто, и что он едет якобы на работу в Омск. Это вранье меня прямо возмутило, мне еще в июне Люся говорила, что Борька устроился в Москве. Зачем она от меня-то скрывает? А я, дура, вечно ему всё рассказываю.

14/VIII-53 г. погода понемножку портится, по утрам и вечерам на улице очень холодно, и вода в Иртыше тоже весьма прохладна. Но наша группа упорно продолжает посещать пляж, хотя купаются только ребята, да и то очень мало. Пляж уже почти совсем опустел, даже в жаркие солнечные дни на нем мало народу, ходят только отдельные фанатики вроде нас. С одной женщиной из нашей компании я вместе поеду. Она едет до Молотова²⁸, мы ходили с ней в билетную кассу и благополучно достали билеты. Я опять еду в купе, соседом у меня будет весьма симпатичный паренек – Саша. Он учится в Москве и т. к. ему срочно нужно ехать 19/VIII, то я достала ему билет. Вторым соседом будет сын моей знакомой по пляжу (Марьи Вас.). Сама она едет в мягком вместе с дочерью, она женщина молодящаяся, и сын будет ее старить.

Сегодня наша компания почти вся была на «Отелло». Опера мне совершенно не понравилась. Наверное, эта самая неудачная из всех опер Верди, во всяком случае, из слышанных мною. Не было ни одной красивой арии или дуэта, совсем отсутствовал балет, да и артисты пели скверно. Кассио пел безголосый старый хрыч, Дездемона – толста, и тоже безголоса, Отелло пел Азрикан, уже знакомый мне по Свердловскому театру. Играл он сравнительно неплохо, одет был потрясающе,

но был толст // (Л. 36) и пел средне. Один Яго был хорош. Кроме того, я совсем недавно смотрела «Отелло» в Москве и была под впечатлением драмы, в сравнении с которой опера значительно проигрывала.

16/VIII-53 г. Сегодня вся наша капелла в последний раз была на пляже. День был изумительный, на небе ни облачка, прожарились мы основательно. Перебрали в последний день все темы разговоров, начиная с поэзии и музыки и кончая модами. Потом изловили какого-то фотографа-любителя и сфотографировались, но я очень сомневаюсь, что он сделает эти фотографии. А очень бы хотелось. Уже под вечер мы решили закончить пляжный сезон выпивкой. В пляжных сарафанах, в довольно диком и растрепанном виде, мы пошли в ресторан «Иртыш», было нас 6 человек. На выпивку денег мы наскребли, а закуску пришлось взять лишь печенье. Т. к. мы не ели с утра и «закуска» была тощая, то опьянели мы весьма быстро (вышло по бутылке на двоих) и начали горланить на весь ресторан. К счастью, двоим из нас вечером нужно было в оперу, и мы быстро разошлись, уговорившись еще раз собраться у нас дома накануне моего отъезда.

18/VIII-53 г. Сегодняшняя вечеринка еще раз убедила меня, что неожиданные встречи всегда лучше. Собралось нас сегодня 5 человек (один парень не пришел), и гуляли мы почти до 3х часов ночи. Но ребята здорово подвели нас, особенно меня. Мы их послали за вином, а они набрали в графин смесь водки и настойки, я выпила этой дьявольской смеси и обалдела. Потом еще пили // (Л. 36 об.) волжское, вермут, вишневку, в общем, перепились все до ужаса. Но на Милку это не подействовало, она пела и плясала, а мне стало совсем скверно и вечер для меня пропал. Я главным образом сидела на улице, со мной сидел один из ребят, который вообще не отходил от меня весь вечер. Я и на пляже как-то сдружилась с ним больше, чем с другими. Он работает на заводе, но гораздо лучше многих моих «интеллигентских» знакомых. Мы обменялись с ним адресами, но едва ли он будет писать, т. к. пляжные знакомства мимолетны и забываются очень быстро. Но в общем всё было хорошо и проведенным летом я очень довольна.

19/VIII-53 г. Сегодня я весь день мучилась от похмелья, пила соду и ела соленые огурцы. День тянулся медленно и как-то бестолково, делать было особенно нечего, т. к. укладка чемодана заняла немного времени. На вокзал мы приехали очень рано и с трепетом стали ждать появления бати, боясь, что он испортит всё прощанье. К счастью, он явился за 15 мин. до отхода поезда и особенных бед натворить не успел, хотя и был пьян по обыкновению.

Перед самым отходом поезда на вокзал примчался Жорка (тот парень, с которым я накануне провела вечер). Он обещал прийти еще вчера, но я не очень-то поверила и его появление было для меня неожиданностью (приятной, признаюсь). Поезд отошел с опозданием на 10 мин. и мы еще немного поболтали. Когда мы уже отъезжали, он еще показывал знаками, чтобы я писала, но я всё-таки думаю, что это конец и продолжения не будет. Поплыл мимо окон вагона Омск, неужели я еще вернусь сюда? Между прочим, однажды на пляже я встретила Альберта. То, что я

вспомнила об этой встрече лишь через несколько дней, // (Л. 37) показывает, как мало он для меня значит. Всё течет, всё меняется. Он ничуть не изменился и не постарел, и не возмужал. Болтали мы долго о всякой всячине, т. к. болтать с ним по-прежнему легко и интересно.

25/VIII-53 г. Потянулись уже обычные дни. Доехала я благополучно, всю дорогу играли в домино и ели зверски. В комнате у нас я застала только Галю. Ей давно полагалось быть в Сталинграде, но она еще в Москве, значит рассчитывает в ней и остаться. Полдня мы побродили с ней по Москве, сходили в кино. День был замечательный, жаркий и ясный. Москва хороша. А после разлуки еще краше кажется. Вчера я встретила Олю, ужасна рада ей, т. к. с ней всегда интересно поболтать и провести время, без нее в общезитии скучно и одиноко. Купили мы бутылку цимлянского по случаю встречи, но я выпила одну каплю, после той попойки меня от одного вида вина мутит.

28/VIII- 53 г. Сегодня у нас была кафедра, из аспирантов на нее явились лишь я с Аскольдом. Милка уехала на несколько дней на дачу, т. к. не отдыхала всё лето. Ее муж достал мне билет на «Динамо» и вчера я с удовольствием побывала на матче Спартак-Динамо, хотя на обратном пути зверски вымокла под дождем.

Своим оппонентам я звонила, но безуспешно. Жуков еще не приехал. А Жмыхов на даче. Шефу я сегодня сказала, что поведение последнего меня весьма беспокоит и попросила его помочь. Он обещал съездить в ВПШ и выяснить это дело. Была 2 раза в библиотеке и оба раза высидела часа 1,5, т. к. совершенно отвыкла от занятий, да и заниматься-то особенно нечему, т. к. шеф не советует что-либо менять в диссертации.

Будь у меня 2-ой отзыв на руках, я была бы спокойнее.

// (Л. 37об.) С работой дело обстоит неважно. Марку Сталинград тоже отказал и в Министерстве ему не сказали ничего утешительного, а просто оставили в «резерве». А ведь мы с ним одной специальности, значит работы нет. Ему-то легче, т. к. у него семья в Москве, прокормят как-нибудь сообща, а я что буду делать? Всё время уговариваю себя не волноваться, хотя думы осаждают.

29/VIII-53 г. Сегодня у меня была Люся, и мы втроем проболтали часа три. Между прочим, я заметила, что у тех аспиранток, которые уже защитили или готовятся защитить, всё чаще возникает мысль об устройстве личной жизни. Т. к. у нас в комнате замужем одна Оля, то разговоры на эту тему не прекращаются. Люся тоже прежде всего заговорила об этом. Так, оказывается, много незамужних аспиранток в возрасте около 30 лет или чуть выше, что просто удивляешься этому. Все мы не уроды, имеем высшее образование, не тупы, достаточно остроумны, и т. д., но ни одна из нас не имеет своей личной жизни. Раньше я думала, что составляю печальное исключение, оказывается, наоборот, я – типическое явление. В чем же дело? И вот вечерами мы сидим и обсуждаем этот важный вопрос, который сейчас приобретает особенную остроту. Каждая из нас заканчивает важный этап в своей жизни

и с тревогой спрашивает себя: «А что же дальше?» Я, признаться, хотя и принимаю деятельное участие в дебатах, не задаю себе этого вопроса, т. к. знаю, что дальше будет работа, уже знакомая мне. Только я очень хочу попасть в хороший город, а то сейчас многих из нас вызывают в УК и предлагают ехать лектором на Сахалин или Камчатку. Люська сообщила мне невероятную новость: якобы Борис согласился на 3 года ехать в Магадан, а Люба отправляется в Свердловск на какие-то // (Л. 38) курсы. Узнать достоверно ничего не могу, т. к. Бориса в Москве нет: он уехал в Омск отвозить сына. Этого я уж совсем не понимаю. Выходит, у них с Любой будет еще 3 года разлуки. Да что это за жизнь, не стоило и замуж выходить!

Очень хочется увидеть его и узнать всё.

31/VIII-53 г. Сегодня на производственном совещании был окончательно решен вопрос о моей защите: ее назначили на 15 сентября на 7 часов вечера. Это очень поздно, я весь день буду терзаться. Марк сдал всю диссертацию шефу, у Милки еще многое не готово. Оля будет защищать 14го в 1 ч. 30 м. дня, в общем, почти вместе. Вечерами мы вдвоем сидим с ней, стараемся меньше говорить о защите, но мыслями всё время с ней и поэтому разговор вяжется слабо. Говорим обо всем и ни о чем. Чаще всего говорим о только что уехавшей Гале, т. к. уехала она беременной и, как мы узнали, от своего собственного шефа. Вот, оказывается, в чем заключалась тайна ее быстрой и успешной защиты. Гадость и больше ничего, а еще рассуждала о всяких высоких материях. Ханжа!

9/IX-53 г. Остались считанные дни перед защитой, сердце у меня бьется как у пойманной птицы. 1/IX я дала объявление о защите в «Вечернюю Москву» и 4/IX собрала вырезки из нее. В этот же день я была у Бориса и расспросила его обо всем подробно. Он действительно едет в Магадан и, как я поняла, просто не мог от этой поездки отказаться. Люба через год (после курсов) поедет к нему. Он по обыкновению уговаривал меня не волноваться, но тщетно. Чем ближе день защиты, тем беспокойнее я становлюсь. Худею я прямо не по дням, а по часам. Нервничаю по всяким пустякам. Ольга тоже // (Л. 38 об.) нервничает и поэтому мы с ней целыми днями грыземся по любому случаю. Обе раздражены до последней степени, что вполне понятно. Жмыхов продолжает тянуть из меня жилы. Обещал дать отзыв 7го, а потом перенес на 10ое, все эти его фокусы, наконец, действовали даже на безмятежную уверенность моего шефа.

Сегодня он весьма был обеспокоен, а обо мне уж и говорить нечего.

Декан меня сегодня перепугал, говорит, что кто-то по телефону интересовался моей диссертацией. В общем, не знаю, как я доживу эти дни. Вступительное слово я уже написала, но боюсь, что оно куда не годится.

14/IX-53 г. Мучительные дни продолжают. Правда, меня немного утешил Жмыхов, 10го он все-таки дал мне отзыв, причем хороший, даже лучше, чем у Жукова. Но все-таки чувствую себя ужасно, ночами почти не сплю, с сердцем очень плохо. Кроме того, мне очень надоело мое какое-то связанное состояние, я ни о чем даже

свободно подумать не могу, всё время возвращаюсь к одной и той же мысли. На днях получила письмо от Жорки, ничего особенного нет, но всё-таки приятно, что ответил.

Была вчера на последней (!) консультации у шефа, обсудили с ним все детали и предусмотрели уж, кажется, всё.

Сегодня был день защиты Оли. Весь день лил дождь. Мне пришлось ехать за одним из ее оппонентов – одноглазой докторшей. Сначала я звонила ей, потом по лужам бегала в поисках такси, да еще пришлось долго ждать ее, т. к. собиралась она жутко медленно. Я прямо вся извелась, т. к. представляла себе, как там Ольга психует. Когда я привезла ее, то уже защита началась. Говорила Оля хорошо, но заметно было, // (Л. 39) что волновалась. Заключительное слово она сказала гораздо свободнее и лучше. Защитила она единогласно. Дома мы погорланили немного и легли спать, т. к. я еще не защитила, то девочки меня щадили.

14/IX-53 г. Сегодня был один из самых знаменательных дней в моей жизни. Проснулась я очень рано, да и вообще спала плохо, утром все разбежались по своим делам, и я весь день сидела одна в пустой комнате. Тошно было до невозможности, прочла я раз 5 свое вступительное слово и слонялась от одной стены до другой. В 6 ч. вечера я отправилась в Институт. Очень меня беспокоил вопрос о кворуме: двое профессоров выбыли из института, один уехал в командировку. Прихожу, а мне лаборантка объявляет, что ученый секретарь Мария Мих.²⁹ тоже заболела. У меня прямо сердце упало, ведь достаточно еще одному человеку не прийти и всё пропало. Да еще, как нарочно, в 5 ч. вечера началось общеинститутское партийное собрание, и все были там. Без 10 мин 7 приехал мой первый оппонент Жуков Е.М., а второго привезла через 5 мин. Ольга. За ним я посылала машину, т. к. он прямо намекнул об этом. Посадила я обоих оппонентов в пустой комнате и помчалась за нашим деканом. Собрался Совет очень быстро и мне дали слово. Волновалась я ужасно, но голос у меня звучал твердо и уверенно. Народу набилось невероятно много, я даже не ожидала столько.

Пришли аспиранты со всех 3х кафедр истории, все мои друзья и подруги по общезнанию, даже те аспиранты пришли, которые уже давно окончили аспирантуру и выбыли из института. Пришел один парень, с которым я вместе занималась в библиотеке ИМЭЛ. Он – мой соперник // (Л. 39 об.) по теме, диссертацию он мою прочел, она ему понравилась. Пришли, к моему удивлению, Просина³⁰ (она получила годичный отпуск) и еще одна преподавательница из Омска. В общем, в аудитории просто повернуться негде было.

Говорила я весьма убедительно, слушали меня все с большим вниманием, что редко бывает на защитах. Жуков после моего вступительного слова значительно изменил свой отзыв к лучшему и все недостатки смягчил. Примерно в таком же тоне выступил Жмыхов. Всё шло как по маслу и вдруг попросил слова один из членов совета [нрзб]³¹ (с кафедры истории СССР). Диссертации он не читал и начал

громить меня по автореферату, причем весьма язвительным тоном. Не знаю почему, но я была очень спокойна, может быть потому, что 9/10 из его замечаний я могла опровергнуть, что я и сделала в заключительном слове.

Когда я отвечала ему, то многие члены совета одобрительно кивали головами, что придало мне бодрости. Шеф во всё время защиты сидел и был страшно доволен мной. Наконец, началось голосование и объявили: единогласно (10). Ну, тут все кинулись меня поздравлять и буквально завалили цветами.

Это тоже было неожиданностью, т. к. обычно у нас на кафедре никому ничего не дарили, я была на нескольких защитах.

Послала я «молнию»³² домой, потом мы с Олей взяли бутылку шампанского и торт и немножко с девочками посидели.

Итак, я добилась своего, я – кандидат исторических наук. Даже как-то не верится. Впрочем, ведь никакой видимой перемены нет и не чувствуется переход в другое «качество».

Личный архив Р.С. Айриян. Дневник Н.А. Акимкиной. Тетрадь № 5. Л. 20–39 об.
Рукопись. Оригинал.

¹ Кафедра «Основы марксизма», кафедра «Режиссуры», кафедра «Мастерства актера», кафедра «Театроведения», кафедра «Сценической речи», кафедра «Литературоведение», кафедра «Музыкальных дисциплин». (Тетрадь № 1. Л. 1).

² Тетрадь № 1. Л. 2–3 – правило дыхания при чтении стихов, работа над речью, голос, логика речи, практический курс воспитания актера.

³ Тетрадь № 1. Л. 5 об.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Тетрадь № 5. Л. 28 об.

⁶ Михаил Абрамович Люксембург (1917–1986) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории (позднее новой и новейшей истории) Ростовского государственного университета. Во время антисемитской кампании 1952 г. подвергся гонениям, был исключен из партии (по воспоминаниям Акимкиной Н.А.). Восстановлен в партии лишь с началом хрущевской оттепели. В 1955 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Борьба за партию нового типа во Франции в 1920–1923 гг.».

⁷ Мария Ивановна Овчинникова (1917–1994) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР РГУ, работала в РГУ до 1981 г.

⁸ Практикум по истории стран зарубежного Востока (Индия, Иран, Турция). Учебное пособие для высших учебных заведений СССР. М.: Высшая школа, 1963. 168 с.

⁹ Надпись подчеркнута один раз чернилами и дважды карандашом (простым и красным).

¹⁰ По всей видимости, это стихотворение было написано Н.А. Акимкиной. Тот факт, что она писала стихи, не раз встречается по тексту дневниковых записей.

«Когда туманной чередой
Пройдут года передо мною,
Я загляну в исписанный дневник,
И рой воспоминаний
Нахлынет на меня в тот миг.
Сквозь старые желтые страницы
Увижу я знакомые черты:
Вот это Люда, Женя, это Миша,
Вот это Клавочка. Конечно, это ты.
И всех друзей припомню понемногу,
Кто молод был – теперь уже старик.
И с легким вздохом сожаленья
Закрою я исписанный дневник».

¹¹ Дмитрий Алексеевич Поликарпов (1905–1965) – советский партийный и государственный деятель, кандидат исторических наук. В 1951–1954 гг. директор МГПИ им. В.И. Ленина. С 1954 по 1955 г. секретарь Московского горкома КПСС, в 1955–1962 гг. – заведующий Отделом культуры ЦК КПСС, в 1962–1965 гг. – заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС.

¹² ИМЭЛ – Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС.

¹³ Доцент Николай Дмитриевич Кузнецов был деканом исторического факультета МГПИ с 29 сентября 1950 г. по 15 октября 1953 г.

¹⁴ Так в тесте.

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ М. Плисецкая (исполняла роль Раймонды). В. Преображенский (в роли жениха). Сергей Гаврилович Корень (1907–1969 гг.) – советский артист балета и балетмейстер. С 1942 по 1960 г. выступал в Большом театре, с 1960 по 1969 г. – работал в качестве балетмейстера.

¹⁷ Дефектологический факультет.

¹⁸ Фильм по спектаклю ленинградского Нового театра (режиссер Николай Акимов, по пьесе Виктора Гусева) о послевоенной жизни советской молодежи. Действие фильма происходит в 1950-х гг. в Москве. Надежда Коврова – молодой историк, отметивший свою первую блистательную работу. Успех так вскружил голову девушке, что она, забыв про своих друзей, тут же взялась писать новую. Но энтузиазм быстро угас, а сама работа не клеилась. Вслед за успехом к Надежде приходит неудача. Расстроенная девушка находит утешение у друзей и осознает всю важность человеческих взаимоотношений. Вышел в кинопрокат 1 апреля 1953 г.

¹⁹ Зинаида Григорьевна Морозова (1867–1947) – русская благотворительница, вдова фабриканта и мецената Саввы Морозова, вторым браком вышедшая замуж за Анатолия Анатольевича Рейнбота (1868–1910; московский градоначальник в 1906–1907 гг.).

²⁰ В 1953 г. Пасха пришлась на 5 апреля.

²¹ Нина Ульяновна Алисова (1918–1996) – советская актриса театра и кино. В фильме 1936 г. «Бесприданница» она сыграла главную женскую роль Ларисы Огудаловой.

²² Владимир Васильевич Дружников (1922–1994) – советский актер театра и кино.

²³ Иван Никифорович Новиков (1918–1982) с 1946 по 1953 г. работал старшим преподавателем кафедры истории СССР ОГПИ. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Подготовка и преподавание сплошной коллективизации в Омской области (1928–1932 гг.)». С 1955 по 1982 г. – заведующий кафедрой истории СССР ОГПИ. Принимал участие в написании 5-томной «Истории Сибири».

²⁴ Илья Саввич Галкин (1898–1990) – советский историк и общественный деятель. Ректор МГУ (1943–1948). Один из инициаторов создания Всесоюзного общества по распространению научных и политических знаний. Доктор исторических наук (1956, диссертация «Политика европейских держав в связи

с освободительным движением народов Турции в 1908–1912 гг.»). После завершения работы на посту ректора МГУ И.С. Галкин долгое время работал на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета, должность заведующего которой занимал в 1953–1980 гг. Автор многих монографий и учебников. Одним из важнейших учебных изданий, подготовленных под руководством И.С. Галкина, стала «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки», изданная в 1977 г.

²⁵ И.Н. Жмыхов – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и кафедры современного международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Автор работ «Англия на втором этапе общего кризиса капитализма (1939–1954 гг.)» (М., 1954), «Международное рабочее и национально-освободительное движение в период Второй мировой войны» (М., 1956), «История профдвижения за рубежом» (М., 1958), «История профсоюзного движения за рубежом [Ч. 1]: С 60-х гг. XVIII в. до 1939 г.» (М., 1962).

²⁶ Альберт Захарович Манфред (1906–1976) – советский историк, специалист по истории Франции. Доктор исторических наук (1950), профессор. В 1940–1949 гг. преподавал в Московском областном педагогическом институте, на историческом факультете МГУ, в 1945–1961 гг. – в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков и в МГИМО. С 1945 г. – старший научный сотрудник Института истории АН СССР, был председателем Ученого совета по всеобщей истории. В 1966–1968 гг. – заведующий сектором новой истории западноевропейских стран Института истории АН СССР, с 1968 г. – заведующий сектором истории Франции Института всеобщей истории АН СССР.

²⁷ Иван Трофимович Огородников (1900–1978) – д-р наук (1965); проф.; зав. каф. педагогики (1949); зам. начальника ГУВУЗа Министерства просвещения РСФСР (1944–1947); проректор МГПИ им. В.И. Ленина по научной работе; чл.-корр. АПН РСФСР (1955), чл.-корр. АПН СССР (1968). Преподавал в вузах Москвы (с 1949 г. – в МГПИ).

²⁸ Так назывался город Пермь с 1940 по 1957 г.

²⁹ На данный момент попытки отыскать человека с такой фамилией окончились неудачей. Возможно, речь идет о Марии Михайловне Себенцовой (1891–1967), доценте кафедры истории Средних веков Педагогического института им. К. Либкнехта в 1934–1940 гг., специалисте по истории крестьянских движений во Франции конца XIV – начала XV в. В 1943–1944 гг. занимала должность декана исторического факультета МГПИ им. В.И. Ленина, а с 1962 г. работала в МГУ.

³⁰ Личность не установлена.

³¹ Содчиков или Садчиков... Точно идентифицировать личность не удалось.

³² Срочная телеграмма.